

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. Н. Василенко

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ¹

В статье рассматривается языковая игра как речевой прием, направленный на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса. В качестве фактического материала исследования использованы комментарии к новостным статьям на гендерную тематику, опубликованным на популярном белорусском информационном интернет-портале TUT.BY. Делается вывод о значимости языковой игры как способа вербализации гендерно обусловленной враждебности в интернет-дискурсе.

Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности говорящего вызывает неугасающий интерес исследователей-языковедов. При этом, учитывая эстетический момент языковой игры и ее сопряжение с юмористическим эффектом [1, с. 8–9], неудивительно, что чаще всего данный лингвистический феномен изучается в рамках юмористического дискурса.

В нашем исследовании языковая игра рассматривается в контексте вербализации враждебности, а именно как речевой прием, направленный на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса. Источником фактического материала исследования послужили комментарии пользователей белорусского информационного интернет-портала TUT.BY к новостным статьям, посвященным тематике ЛГБТ-сообщества и опубликованным с 2014 по 2019 гг. Выбор жанра интернет-комментария для исследования обусловлен такими его свойствами, как анонимность, субъективность и относительная свобода выражения в стилистико-языковом отношении (подробнее см. [2]).

Под языковой игрой в исследовании понимаем «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [3, с. 657]. Такое широкое понимание языковой игры позволяет включать в исследование все те явления, когда «говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19М–127.

речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.)» [4, с. 172].

В ходе исследования было установлено, что с целью дискредитации «чужой» социальной группы интернет-комментаторы прибегают к использованию разных видов языковой игры, которая может быть использована не только для номинации представителей ЛГБТ-сообщества, но и для явлений и событий, тем или иным образом связанных с данной социальной группой.

Словообразовательная языковая игра в проанализированном материале представлена такими приемами, как *суффиксация, префиксация и контаминация*.

Так, в комментарии к статье «Трансгендер впервые поборется за титул “Мисс Вселенная”» от 04.07.2018 автор высказывает негативное отношение к представителям ЛГБТ-сообщества, прибегая к с у ф ф и к с а ц и и при образовании лексем «миски-вселенки» и «терминаторши», в последнем случае обыгрывая нерегулярность словообразовательного противопоставления по роду [5, с. 156] и усиливая свое высказывание при помощи слов «все эти гормональные»: *с этой напастью есть хороший способ справиться: / начать кошмарить мисок-вселенок и прочих красавиц по допингу / точно также как спортсменов / и все эти гормональные терминаторши останутся за бортом праздника красоты и чистогана!*¹.

В следующем примере автор комментария использует п р е ф и к с а ц и ю – приставка *гомо-* служит для образования окказионализма *гомоглупости*: *да дело и не в тряпке разноцветной – дело в поколении новом, которое а силу юного бунтарства и глупости может наделать гомоглупостей...* («Шуневиц по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

К аналогичному приему прибегает и автор следующего комментария: *Ну вот, приехали... <...> Следующая остановка – Зоофилия. Ну а что, если мужик с мужиком, это уже норма, то почему мужик с бараном или овцой нет? Кстати, если мужик с бараном, это как, Зоогомофилия? А если с овцой?* («Типичный портрет гомофоба – низкий уровень образования и нелюбовь к себе. Мнение психотерапевта». 03.09.2018).

Наиболее частотным приемом словообразовательной языковой игры в проанализированном материале является к о н т а м и н а ц и я, например: *киевпрайд? / по-моему, киевстыд* («В Украине прошел КиевПрайд. Националисты, выступающие против, подрались с полицией». 17.06.2018); *Да она психически больна !!! Также как и все эти “задодолбы”... Назначить ей психиатрическую экспертизу и отправить на принудительное лечение !!!* («Активистка вышла к зданию МВД с плакатом “Сами вы подделка”». 24.05.2018); *в нашей стране уровень рождаемости ушёл в минуса задолго до*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены. Знаком «/» обозначено начало нового абзаца.

английского. нашли чем ёжика пугать. / **гейтастрофа** в Англии первая взорвалась, но нам она не страшна. / rip, Беларусь («На посольстве Великобритании в Минске вывесили ЛГБТ-флаг». 17.05.2018); так это отлично! нельзя ставить **кончитовурстию** наравне с нормальными ценностями!.. («Беларусь оказалась одной из самых нетерпимых стран к геям, лесбиянкам, трансгендерам в Европе». 15.05.2018).

В следующем примере контаминации автор комментария использует устойчивую фразу <х> он и в Африке <х> и, по всей видимости, отсылку к известной шутке резидентов *Comedy Club*: **Эдараст, он и в Африке пэдуард** («Певец-андрогин представит Францию на “Евровидении”»). 28.01.2019).

В примере ниже автор, помимо контаминации, прибегает к такому **стилистическому** средству, как п о в т о р: Ну ну, **ЛГБТ-ценности** это что? **ЛГБТ** болезнь, которую упорно пропагандируют как норму, какие у болезни могут быть **ценности**? Жду **зоофило-ценности, некрофило-ценности** («Опрос: готовы ли белорусы принять в семье мусульманина и как относятся к ЛГБТ-бракам». 31.10.2018).

Повтор можно наблюдать также в следующих комментариях: До чего докатились, мужики **женятся**, женщины **женятся**, собаки **женятся**. Ужас. («Премьер Сербии – открытая лесбиянка. Но активисты ЛГБТ против ее участия в гей-параде». 16.09.2018); И что **леворукие** устраивают парады **леворуких**, на каждом углу кричат о том какие они **леворукие** и как это хорошо быть таким **леворуким**, пропагандируют образ жизни **леворуких**, тусуются в клубах для **леворуких** и предлагают дать возможность детям самим определиться какими им быть **правшами** или **левишами**?... («В Минске осудили ЛГБТ-активистку, которая вышла с плакатом “Сами вы подделка” к зданию МВД». 16.07.2018).

В примере ниже автор комментария, помимо повтора, использует сравнение, при этом явно обыгрывая семантику лексемы *петухи*: **Нормальная мужская позиция нормального офицера, гражданина и просто человека, который думает о будущем своей страны, детей, семьи. А те кто тут налетели как Петухи** – ну так ваша позиция (и поза) давно известны)))) («Шуневиц по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.18).

В целом для реализации языковой игры в комментариях достаточно широко используются **стилистические средства**. Помимо упомянутых выше повтора и сравнения, в проанализированном материале можно встретить случаи употребления *эпитета, метафоры, антономасии, гиперболы и перифраза*.

Так, *эпитеты* обычно используются в адрес мужчин-гомосексуалов и транссексуалов, например: *добро пожаловать в реальный мир, довыдывались со своими гей-парадами и петушиными правами* («Гомосексуалы в США зарабатывают больше натуралов». 08.12.2017); *Тьфу... синтетические* («Они поменяли пол: самые громкие и удивительные трансформации». 21.05.2017).

Сразу два эпитета появились в комментарии в ответ на публикацию статьи, заголовок которой уже содержал яркий эпитет *дырявые*: *Про “дырявых” не знаю. У нас их называли “проткнутыми” и сразу в петушинный куток; Заднеприводные еще есть. Министр не полный список названий привел* («Шуневи́ч: Существует определенная категория граждан. Я их называю дырявыми». 27.12.2018).

Упомянутый в примере выше привод часто становится основанием для использования комментаторами механистической метафоры (мы опираемся на классификацию, предложенную А. П. Чудиновым [6]): *Такое впечатление, что писать больше не о чем. Какое-то повсеместное продвижение темы “с не той формой привода”* («На их взгляд, это было правосудие. Рассказ гея о подставном свидании». 10.07.2018); *Все правильно! Гей парада не будет! Задний привод не для наших дорог!* («Шуневи́ч по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

В примере ниже автор, помимо использования фитоморфной метафоры, прибегает к антонимасии: *Можете минусовать сколько угодно, НО тут с позицией нашего МВД полностью согласен. Ровно отношусь к однополым отношениям и другим особенностями ЛГБТ-сообщества – это ЛИЧНОЕ дело каждого, куда и как они используют свои **пестики и тычинки**. ОДНАКО в крайние времена ЛГБТ тематика слишком уж агрессивно навязывается обществу, вовлекая в свою сферу неокрепшие юношеские Души, которые после себя не оставляют в итоге потомства за редким исключением !!! <...> В итоге через несколько поколений можем прийти к обществу **шариковых и швондеров**...* («Шуневи́ч по поводу ЛГБТ-флага: Это была проверка общества на зрелость, которую оно не прошло». 07.06.2018).

В проанализированном материале были также отмечены случаи использования гиперболы (а) и перифразы (б): а) *В этих “великих” цивилизациях педерастами были **чуть более чем все**. / Так как это там считалось нормальным* («В Минске задержан актер, участвовавший в акции в поддержку ЛГБТ». 09.12.2018); б) *То лесбиянки, то **любители шпилей**... Ужос!* («Премьер Сербии – открытая лесбиянка. Но активисты ЛГБТ против ее участия в гей-параде». 16.09.2018). В последнем примере характерно, что автор использует перифраз только для описания гомосексуальных мужчин, в то время как гомосексуальных женщин просто называет лесбиянками.

Наиболее частотным приемом лексической языковой игры в проанализированном материале является каламбур. В примерах ниже представлена такая его разновидность, как обыгрывание сходства в звучании слов (паронимазия, или паронимия) [5, с. 491] – *андрогин* и *андроид* (а) и *квир* и *киви* (б): а) *задолбали эти **андроиды*** («Певец-андрогин представит Францию на “Евровидении”». 28.01.2019); б) *Уже есть понимаемое жаргонное слово – **фрик** (ненормальный), зачем подбирать загадочные синонимы? <...> Вся эта дурость от реального безделья. Начни строить дом руками,*

машинами займись, спортом, любым мужским делом, и перестанешь моментом быть киви, или как вы там говорите... («Я не похож ни на парня, ни на девушку. Как живут квир-люди». 17.09.2018);

В одном из комментариев был обнаружен пример каламбура, основанного на многозначности слов (а именно на столкновении двух значений: нарицательного и собственного [5, с. 491]): *В мире только был один гей, и то это был Гей Люссак – великий химик. А остальные это педерасты* («Люди не знают, что это. Зачем нам закон против дискриминации геев, людей с ВИЧ и инвалидностью». 10.10.2017).

Имя собственное фигурирует и в другом случае применения каламбура, однако в данном примере автор использует отсылку к созвучию краткой формы имени Эдуард – Эдик, и распространенной пейоративной номинации мужчин-гомосексуалов: *“эдуардам” не место в нормальном обществе!* («В Минске раздали листовки против гомофобии и провели пикет у посольства США в поддержку прав геев». 17.05.2016).

Синтаксическая языковая игра в проанализированном материале представлена парцелляцией: *Господи, ну какая это норма? <...> “Заводом производителем” прописана в инструкции к человеку норма Мужчины – женщины, половой член – влагалище – дети, продолжение рода. Все. Это норма* («Без дипломатии, на языке вражды. Что не так с высказыванием МВД о ЛГБТ-флаге на посольстве Британии». 21.05.2018); *Пусть гомосексуалистка собирает на лечение. / Поможем. / Вылечим* («Еще 15 базовых заплатит ЛГБТ-активистка за снимок на фоне Дома правительства». 23.07.2018). В последнем примере автор усиливает парцелляцию г р а ф и ч е с к и – печатая два последних компонента с новой строки.

Несомненно, представленный обзор видов языковой игры как речевого приема, направленного на реализацию коммуникативной стратегии дискредитации в рамках интолерантного дискурса, не является исчерпывающим. Однако рассмотренные примеры интернет-комментариев, содержащие случаи использования языковой игры, позволяют с уверенностью говорить о том, что языковая игра – один из способов вербализации гендерно обусловленной враждебности в интернет-дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
2. *Василенко, Е. Н.* Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 3 (100). – С. 20–27.
3. *Данилевская, Н. В.* Языковая игра / Н. В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 657–660.

4. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М., 1983. – С. 172–214.
5. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 552 с.
6. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

The article considers language play as a tool for implementing the communicative strategy of discrediting. The study is conducted within the framework of intolerant discourse based on online comments on news articles related to gender.

Поступила в редакцию 13.05.2020

Т. И. Гаранович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ТАВТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ *N ЁСЦЬ N* И ЕЕ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности белорусской и английской тавтологических конструкций *N ёсць N* и *N is N*. Освещаются основные подходы к интерпретации тавтологий. Анализируется употребление *N ёсць N* и *N is N* в качестве синтаксических фразеологизмов и неидиоматических эллиптических конструкций.

Термин *тавтология* в Лингвистическом энциклопедическом словаре определяется как «содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части» [1, с. 501]. Смысловое дублирование происходит за счет повторения одних и тех же или близких слов и считается свидетельством недостаточной грамотности говорящего [1]. Примерами тавтологий, нарушающих нормы белорусского и английского языков, являются *больш лепшы, заразная інфекцыя, more better, a forecast about the future*.

Объектом исследования в нашей статье выступают белорусская и английская конструкции *N ёсць N* и *N is N*. Они называются тавтологическими, поскольку в позициях подлежащего и именной части сказуемого в них используется одно и то же существительное, например, *жыццё ёсць жыццё, life is life*. В научной литературе такие структуры обозначаются терминами *именные тавтологии* (nominal tautologies) [2; 3; 4], *именные тавтологические конструкции* (nominal tautological constructions) [5], *эквативы* (equatives) [6], *тавтологии с предикативным удвоением* [7], *субъектно-предикатные тавтологии* [8].